

ленно рисуется въ своемъ воздѣйствіи на человѣческое сознаніе, словно нѣкое солнце, озаряющее жизнь и дающее радость и счастье человѣку, такъ и въ теоретическихъ сочиненіяхъ онъ сходитъ съ позиціи догматика и рационалиста, высчитывающаго пользу и необходимость добрыхъ дѣлъ, и говоритъ о свободномъ и страстномъ влеченіи къ добру, захватывающемъ душу и дающемъ ей высшее удовлетвореніе.

«Можешь ли ты быть спокоенъ за твоимъ чаемъ, обѣдомъ, за твоимъ врачебнымъ, учительскимъ, художественнымъ дѣломъ,—когда подлѣ умираютъ отъ голода и холода».

Разъ міръ неустроенъ, нельзя жить своимъ и нужно отдаться дѣламъ міра. Все равно душа не закроетъ своего слуха отъ стоновъ и криковъ о спасеніи и будетъ потрясена и возмущена ими и не найдетъ ни одной минуты спокойствія. Поэтому не старайся наглухо закрывать свои двери, а, наоборотъ, открой и иди туда, откуда слышны крики. Сдѣлай это и убѣдись, что только на это душа согласна и всему остальному противится, ибо стихнетъ въ ней возмущеніе и нетерпѣливое настойчивое стремленіе куда-то. «Попробуй кормить и одѣвать другихъ и ты почувствуешь, что ты дома, что тебѣ свободно, прочно и что идти больше некуда». «Состраданіе,—говоритъ онъ,—есть сознаніе нарушенія за-